

ЗИНАИДА
ЧЕКАНЦЕВА

История и изменение: думать вместе с Райнхартом Козеллеком¹

«История, становящаяся историей лишь в ходе и по мере ее познания, разумеется, сильнее зависит от человека, чем история, которая, совершаясь, настигает человека как уготованная ему судьба. И лишь новое теоретическое понятие открывает перед человеком поле деятельности, где он встает перед необходимостью предвидеть историю, планировать ее, “производить” (*hervorbringen*, по Шеллингу) и, наконец, “делать” (*machen*)».

РАЙНХАРТ КОЗЕЛЛЕК²

Зинаида Алексеевна Чеканцева (р. 1951) – историк, сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории Российской академии наук.

Историческое как интегральная часть мышления было изобретено сравнительно недавно, в эпоху Ренессанса. Это изобретение стало результатом длительного интеллектуального развития. Однако принято считать, что только после беспрецедентных перемен рубежа XVIII–XIX веков *историческое* стало восприниматься как неотъемлемая составляющая всякой мысли. Козеллек, вводя в науку понятие *темпорализации* истории, а также макроаналитические категории *пространства опыта* и *горизонта ожидания*, стремился показать условия возможности *исторического* как явления. Его идеи способствовали антропологизации истории, поскольку «нет такой истории, которая не конституировалась бы посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей»³. В современной историографии много сделано для прояснения содержания и динамики антропоцентричных версий междисциплинарных подходов в исторической науке, сложившихся преимущественно во второй половине прошлого века. Однако стремительно меняющийся турбулентный мир поставил перед человечеством целый ряд новых вопросов, ставших серьезными вызовами для позна-

- 1 Данная статья развивает положения, изложенные автором в следующих статьях: ЧЕКАНЦЕВА З. *Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке* // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8(72); Она же. *Path Dependence. Политика времени и метаморфозы истории* // Вестник Пермского университета. 2020. № 3(50). С. 5–16.
- 2 Козеллек Р. *Может ли мы распорядиться историей? Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»* (<https://strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>).
- 3 Он же. *«Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории* // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

ния в широком смысле. Глобальной рамой для осмысления таких вызовов становится проблематика антропоцена, заменяющая базовые дихотомии устоявшихся познавательных практик *природа-культурой, межвидовой коммуникацией и агентностью*⁴. Изучение культурных практик и идей в трансдисциплинарном режиме показывает, что историография как историческое знание – это не только «среда социальных наук» (Мишель Фуко). Исследовательская деятельность историка, включающая в себя поэтическое, научное, философское и политическое измерение, в тесной связи со сложной работой памяти является носителем де-дисциплинарного начала, которое присутствует не только в профессиональном сообществе, но и в повседневной историчности индивидуальных и коллективных опытов со своими особыми темпоральностями и ритмами, которые не всегда укладываются в хронологический порядок календарного времени. Неудивительно, что история сегодня оказывается в центре трансдисциплинарных дискуссий о проблемах прошлого, настоящего и будущего.

В эпистемологическом переосмыслении истории участвуют бесчисленное количество авторов, но я хочу обратить внимание на наследие Райнхарта Козеллека, которого Хейден Уайт назвал «одним из важнейших теоретиков истории и историографии последнего полувека». Это историк и философ, в мышлении которого органично сочетаются качественная философская формализация и эмпирическая эвристика. Французский историк Александр Эскудье посвятил немецкому ученому большую статью, в которой представил его основные идеи и комплекс интеллектуальных инструментов, необходимых для исследования исторической динамики. Анализ работ Козеллека позволил Эскудье создать структурный образ исторического опыта, показать возможности концепта *темпорализация* для понимания динамики европейской модерности и обосновать необходимость сравнительно исторического подхода для ее изучения⁵. В данном эссе речь пойдет о некоторых явлениях, которые интенсивно изучаются в последние десятилетия в трансдисциплинарном режиме и меняют наши представления об историческом изменении. Это проблематика историчности, темпоральности и исторического события.

XIX век верил в историю и будущее, которое можно планировать. Это была оптимистическая вера в продуктивную силу истории, возведенная в ранг новой религии⁶. В наши дни исто-

4 BONNUEUL CH., FRESSOR J.-B. *L'événement Anthropocène. La Terre, l'histoire et nous*. Paris: Editions du Seuil, 2016; TAMM M., BURKE P. (Eds.). *Debating New Approaches to History*. London: Bloomsbury Academic, 2018.

5 ESCUDIÉRE A. "Temporalisation" et modernité politique: penser avec Koselleck // *Annales: Histoire, Sciences Sociales*. 2009. Vol. 64. № 6. P. 1269–1301.

6 HARTOG F. *Croire en l'histoire*. Paris: Flammarion, 2013.

рия, по словам Алейды Ассман, «это символ веры, потерявший верующих». В культуре происходит «перенастройка времени и истории»⁷, а потребность в новой исторической оптике буквально висит в воздухе. Одним из направлений обновления стала концептуальная история, которую нередко сводят к истории понятий. Образцовым ее воплощением считается многотомный словарь немецких историков⁸. Но Козеллек писал, что для того, чтобы приносить пользу, история понятий должна быть дополнена устойчивой теорией исторического времени. «Определение того, что собой представляет историческое время», ученый считал одним из самых сложных вопросов, поставленных исторической наукой⁹. Убедительный ответ на этот вопрос до сих пор не найден, хотя самые талантливые историки многократно пытались в «материале» преодолеть философские апории темпоральности¹⁰. В масштабных и далеких от завершения дискуссиях об историческом времени, вращающихся вокруг нескольких основных вопросов (линейность, имманентность, контингентность, синхронизация), концептуально утверждается анахроничная, множественная и многослойная природа темпоральности¹¹. Поиск качественного исторического времени побуждает прояснить когнитивные возможности исторического исследования и разобраться в «грамматике историографии». Марк Блок и Жак Ле Гофф считали историю наукой об изменениях¹². Однако что такое изменение? Каким образом оно присутствует в гуманитарном знании и историографии?

Понятие *историчность*, введенное в науку Вильгельмом Дильтеем и основательно переосмысленное на рубеже XX–XXI веков¹³, фиксирует изменчивость всего сущего – однако философы воспринимают его по-разному. Одни подчеркивают бедность, размытость и неопределенность историчности¹⁴. Другие, напротив, настаивают на необходимости ее более обстоятельного включения в исследовательскую культуру. Бер-

- 7** ASSMAN A. *Conclusion: A Creed That Has Lost its Believers? Reconfiguring the Concepts of Time and History* // TAMM M., OLIVIER L. (Eds.). *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019.
- 8** BRUNNER O., CONZE W., KOSELLECK R. (Eds.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 8. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972–1997.
- 9** KOSELLECK R. *Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris: Edition de l'EHESS, 1990. P. 9.
- 10** ЧЕКАНЦЕВА З.А. *Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад*. М.: Кругъ, 2010. С. 66–78.
- 11** LORENZ C., BEVERNAGE B. (Eds.). *Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013; CHAKRABARTY D. *Anthropocene Time // History and Theory*. 2018. Vol. 57. № 1. P. 5–32.
- 12** ЛЕ ГОФФ Ж. *История и память*. М.: РОССПЭН, 2013. С. 18.
- 13** DELACROIX CH., DOSSE F., GARCIA P. (Dir.). *Historicités*. Paris: La Découverte, 2009.
- 14** Шлыков В. *Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания*. Севастополь: СевНТУ, 2005; TRÜPER H. *The Flatness of Historicity // History and Theory*. 2019. Vol. 58. № 1. P. 23–49.

бер Бевернаж, например, предлагает заменить послевоенную философию истории, понимаемую как философия историографии, на *философию историчности*, задача которой состоит в том, чтобы изучать не только академическую ситуацию в истории, но и все возможные формы коммуникации с прошлым¹⁵. При этом она будет выходить за пределы человеческого мира и, возможно, за пределы того типа истории, который мы знаем сегодня, поскольку ученые интенсивно обсуждают возможности «более чем человеческой истории»¹⁶. В научном дискурсе историчность принадлежит к области очевидного и наряду с историзмом остается одним из методологических принципов. Ритуальные ссылки на эти окостеневшие познавательные принципы закрепляют накопившиеся в научных традициях стереотипы и упрощения. Козеллек пишет:

«Ирония семантической истории заключается в том, что как “история чистая и простая” она первоначально означала необходимость теории в нашей дисциплине... Когда эти термины “сама история” и “философия истории” впервые появились, примерно в 1770 году, они имели одинаковое значение... Со временем метаисторическая составляющая этих выражений была поглощена недавно придуманным термином “историчность”. При всей своей неопределенности понятие *историчность* и проясняющие его категории открывают такую историю (*Historik*) и метаисторию, которые исследует мобильность вместо движения и изменчивость вместо изменения в конкретном смысле»¹⁷.

Присутствие исторического измерения в философии и во всех науках без исключения, по-видимому, связано именно с явлением историчности. Жак Рансьер полагает:

«[История –] это не просто дисциплина, это фигура мысли, которая в определенный момент устанавливает смысл историчности, доминирующий в качестве общей основы для схватывания объектов. Доминирование истории – это устойчивое преобладание определенного чувства истории»¹⁸.

Французский историк Жак Ревель писал, что историчность – это «опыт исторического времени». Однако это лапидарное определение предполагает ответ на два непростых вопроса: что такое опыт и что такое историческое время? Содержание

- 15** BEVERNAGE B. *From Philosophy of History to Philosophy of Historicities: Some Ideas on a Potential Future of Historical Theory* // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. 2012. Vol. 127. № 4. P. 113.
- 16** ТАММ М., СИМОН З.В. *More-Than-Human History. Philosophy of History at the Time of the Anthropocene* // КУУККАНЕН Ж.-М. (Ed.). *Philosophy of History: Twenty-First-Century Perspectives*. London: Bloomsbury, 2020.
- 17** KOSELLECK R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 2.
- 18** RANCIÈRE J. *Les mots de l'histoire du cinéma* // Les Cahiers du Cinéma. 1995. № 496. P. 52.

историчности, как показывают современные исследования, не сводится к темпоральности. Но темпоральное измерение историчности позволяет представить ее воплощением напряжения между качественным и количественным временем. При таком понимании эта категория выражает противоречие между опытом времени и его измерением. Анри Мешонник пишет:

«Очевидно, что до конца 1980-х в гуманитарных науках доминировала история, основанная на событийной хронологии. В русле так понимаемой историчности исследовать что-либо исторически, значит, изучать то, что произошло в период до и после определенного факта, существование которого можно зафиксировать на ленте времени»¹⁹.

При этом речь идет не только о специфике исторического знания, но и об историческом действии. В классическом познании историчность была искусством, позволяющим историку утверждать контроль своего времени над историческим актором прошлого. Сегодня из «общей рамки схватывания объектов» она становится «эффективной историчностью носителя действия [agent], позволяющей последнему играть со своим временем, действовать против времени, нарушать непрерывность современности». По сути, речь идет о том, что «субъекты в принципе способны делать историю» (Жак Рансьер)²⁰. Для историка историчность – это принцип, позволяющий реализовать профессиональные амбиции по приручению прошедшего. Однако этот принцип изменчив и во многом зависит от состояния исторического мышления, в русле которого историк работает. В классическом знании историчность понималась в детерминистском ключе: обнаружить и продемонстрировать историчность изучаемого фрагмента исторической реальности означало вписать его в исторический контекст эпохи. В таком случае историчность предстает как поток сменяющихся друг друга событий и процессов. При этом в порядке времени очень важна темпоральная дистанция между прошлым и настоящим, являющаяся важнейшим условием объективности полученных результатов. Наличие такой установки предопределило понимание предмета исторической науки как прошлого и породило недооценку истории современности. Прошлое не просто предшествует настоящему – но является его условием²¹.

В современной истории/историографии историки, изучая современность (прошлое или настоящего), стремятся выявить не только последовательности, но разрывы и непрерывности,

19 Мешонник А. *Рифма и жизнь*. М.: ОГИ, 2014. С. 74.

20 Цит. по: АУМЕС М. *Historicités // Labyrinthe*. 2004. № 1(17). Р. 65–68 (<http://labyrinthe.revues.org/174>).

21 БЕВЕРНАЖ Б. *Время, присутствие и историческая несправедливость // Гефтер*. 2012. 17 августа (<http://gefeter.ru/archive/5835>).

проходящие через мир сегодняшний. В таком поиске историчность, понимаемая как трансформация, становится центральным понятием. В исторических исследованиях речь идет не только об историчности Истории как процесса, но и об историчности дискурса историков, рефлексивно воспринимающих свою практику и неизбежную зависимость от настоящего²².

ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА
ИСТОРИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ:
ДУМАТЬ ВМЕСТЕ С РАЙН-
ХАРТОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

Содержание историчности не сводится к темпоральности. Но темпоральное измерение историчности позволяет представить ее воплощением напряжения между качественным и количественным временем.

Анри Мешонник, обосновав концепт радикальной историчности дискурса (*le concept d'historicité radicale du langage*), предложил философии и всем научным дисциплинам переосмыслить понятие историчности²³. Ученый полагал, что в истории «историчность – это не историцизм, который либо забывает наблюдателя (историка), либо все отдает ему, это скорее время отношения между субъектом истории и субъектом исторического описания»²⁴. Более того, он полагал, что взаимодействие между дискурсом и жизнью достигает максимума не в истории, а в поэзии: «Историчность – это не история. Это трансформация. Мерило неизвестного, которое остается неизвестным». Иными словами, историчность – это некое неуловимое явление, в котором воплощена энергия трансформации человека, социума и культуры во времени.

Значение историчности убедительно показал Франсуа Артог, введя в науку понятие *режима историчности*, сформировавшееся с учетом идей Козеллека, Леви-Стросса и Салинза²⁵. Эта синтагма, по мысли историка, означает «манеру использования социумом своих социальных рамок [или коллективной памяти в терминологии Мориса Хальбвакса. – З.Ч.] для производства установок, с помощью которых прошлое оказывает на него влияние»²⁶. Это значит, что рождение синтагмы было, помимо прочего, обусловлено и мемориальным бумом. «Форма, в которой мы думаем о прошлом, – это скорее память без границ, а не ограниченная национальными рамками история», – пишет

22 NOËL P.-M. *Les historiens québécois et la question de l'historicité de leur savoir* // *Erudit*. 2012. Vol. 53. № 1. P. 11–39.

23 MESCHONNIC H. *Critique du rythme. Anthropologie historique du langage*. Lagrasse: Verdier, 1982.

24 MARTIN S. *L'historicité radicale du langage* (www.fabula.org/cr/278.php).

25 HARTOG F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. Paris: Seuil, 2003; BANTIGNY L. *Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2013. № 117. P. 13–25.

26 Цит. по: HARTOG F., LENCLUD G. *Régimes d'historicité* // DUTU A., DODILLE N. (Dir.). *L'État des lieux en sciences sociales*. Paris: L'Harmattan, 1993. P. 29.

американский историк культуры Андреас Хюссен²⁷. Через десять лет Франсуа Артог представил *режим историчности* как способ сочленения основных модусов времени – прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая, что это не данность, но эвристический инструмент, позволяющий изучать опыты времени или режимы темпоральности в конкретной ситуации²⁸. Сегодня *режим историчности* – идеальный тип, позволяющий размышлять о порядке времени, и важный инструмент историографической практики, применение которого показало чрезвычайное разнообразие в соотношении главных модусов времени в различных культурах на разных этапах развития.

В 2010 году мир получил убедительное художественное свидетельство того, что время – это прежде всего артефакт, культурный и интеллектуальный конструкт, который можно использовать. Художник Кристиан Марклей создал инсталляцию «Часы» – непрерывный 24-часовой видеоколлаж из сцен фильмов и телепередач, в которых упоминается время или показывают часы. Инсталляция функционирует как часовой механизм: экранное время синхронизировано с реальным временем часового пояса. В результате время в фильме воспринимается как фактическое. Однако время нематериально и непредставимо. Мы не можем его увидеть, потрогать, вообразить. Возможно, поэтому проблематику времени, как правило, связывают с пространством, которое делает время более доступным. В прошлом веке такая связь в науке лучше всего была выражена в понятии хронотоп. Фредерик Джеймисон полагал, что во второй половине XX века пространство вытеснило время²⁹. Продуктивность пространственного поворота в познании убедительно обоснована³⁰. Однако у времени есть собственная история, хотя даже физики теперь не совсем понимают, что это такое³¹. Возможно, поэтому акцент явно переместился на проблематику восприятия времени, связанную с понятием *темпоральности*.

По мнению французского социолога Клода Дюбара, время предполагает постановку вопроса о роли языка в «концептуализации проблем, связанных с различными моментами, инстанциями, концепциями, уровнями анализа и репрезентации времени как проблемы, а не как объекта знания»³².

27 HUYSEN A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 4.

28 АРТОГ Ф. *Порядок времени, режимы историчности* // Неприкосновенный запас. 2008. № 3(59). С. 19–38.

29 JAMESON F. *The End of Temporality* // *Critical Inquiry*. 2003. № 29. P. 695–718.

30 САВЧУК В. В. *Топологическая рефлексия*. М.: Канон+; Реабилитация, 2012; Ямпольский М. *Пространственная история. Три текста об истории*. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013.

31 ROVELLI C. *The Order of Time*. New York: Riverhead Books, 2018.

32 DUBAR C. *Régimes de temporalités et mutation des temps sociaux* (<https://journals.openedition.org/temporalites/>).

«Хайдеггер, чтобы обновить проблему времени, вынужден был придумать новые слова. Тем самым он неявно демонстрирует, что вопрос времени – это вопрос языка. Существуют несколько языков времени, следовательно, несколько способов темпорализации, фактически – несколько темпоральностей. “Исходная” темпоральность человеческого существования (*Dasein*) – это не то же самое, что историческая темпоральность поколений, которая не является “простой” темпоральностью часов, календарей и других “аксессуаров” физического времени. Эти уровни темпорализации на самом деле относятся к различным типам языка. Таких уровней как минимум три: математический язык (время мира как физическая переменная); одновременно концептуальный и эмпирический язык (историческое время социальных наук); поэтический или метафорический язык (*le temps vécu* индивидуальных проявлений). Ничто не обеспечивает суммирования или общей репрезентации этих трех “языковых игр”. Благодаря Хайдеггеру, уникальная темпоральность абстрактной философии, от Аристотеля до Канта и от Августина до Бергсона, может превратиться в темпоральности конкретных человеческих языков, особенно тех, которые являются источником и средством выражения для различных гуманитарных и социальных наук»³³.

В последние десятилетия, по мнению аналитиков, явно изменилась структура темпорального опыта. Все больше специалистов разделяют диагноз современного темпорального состояния, установленный теоретиком истории Крисом Лоренцом:

«Доминирующая концепция времени изменилась с линейной, необратимой и прогрессивной на нелинейную, обратимую и непрогрессивную. Нелинейная концепция времени позволяет нам думать о темпоральной одновременности и сосуществовании прошлого, настоящего и будущего, ибо не предполагает, что три измерения времени отделены и “закрыты” друг для друга, как в линейном времени. Они рассматриваются как взаимопроникающие: прошлое может жить в настоящем так же, как будущее может быть настоящим в настоящее время. Нелинейное время учитывает многовариантность времен и позволяет представить настоящее, прошлое и будущее как многомерные и реляционные категории»³⁴.

В результате усилий нескольких поколений исследователей в социальных науках произошел поворот от «однородного, пустого времени» (Вальтер Беньямин) к многомерным, множественным и загадочным темпоральностям³⁵. Однако в мире здравого смысла историческое время продолжает жить в рам-

33 ИДЕМ. *Du temps aux temporalités: pour une conceptualisation multidisciplinaire* (<https://journals.openedition.org/temporalites/2942>).

34 LORENZ C. *Blurred Lines: History, Memory and the Experience of Time* // International Journal for History, Culture and Modernity. 2014. № 2. P. 46.

35 JORDHEIM H. *Forum: Multiple Temporalities. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization* // History and Theory. 2014. Vol. 53. № 4. P. 498–518.

как абсолютного и естественного времени, просто обозначая прошлое, последовательность или историю (со всей ее многозначностью). Историки продолжают писать историю в русле линейного телеологического времени, очень похожего на время классической физики, хотя множество сомнений по этому поводу было высказано более века назад.

Темпоральные ориентации в культуре являются основой базовых ценностей, во многом определяющей формы мышления, воображения и логику поступков. Французский социолог Жан Шесно, автор нескольких влиятельных книг о времени, писал, что «историческое познание, историческое знание и ремесло историка – это лишь один аспект более широкого взаимодействия общества и его прошлого»³⁶. Во второй половине XX века, и особенно в последние два десятилетия, проблематика времени занимает значительное место в философии и науке. Международные исследовательские программы и конференции, поток литературы и масштабность дебатов позволяют говорить о темпоральном повороте и формировании трансдисциплинарного исследовательского поля *time studies*, где одной из ключевых проблем остается преодоление понимания исторического времени, сложившегося в Европе эпохи модерности³⁷.

Понимание работы историчности с ее зыбкими темпоральностями является одним из ответов интеллектуалов на вызовы современности. Речь идет о необходимости переосмыслить разнообразные формы опыта, учитывая многочисленные темпоральные инстанции, при условии разрыва с телеологическими представлениями о темпоральном становлении людей и с классической реконструкцией преемственности, в которой не удастся избежать исторического априори. Но это предполагает выход за рамки привычного позитивизма историков³⁸.

Природу исторического изменения хорошо проявляет история изучения события. Рождения, смерти, сражения, войны, революции, дни, создавшие страну или потрясшие мир, историки исследуют давно. Символические события организуют историческую память и исторический нарратив. Важнейшие события зафиксированы в школьных учебниках, а мысль о том, что исторический процесс – это цепь событий, прочно укоренена в массовом сознании. Однако до сих пор событие остается подлинным вызовом для многих историков, прочно усвоивших редукционистскую версию события, представляющую последнее как часть реальности, простота и доступность которой не подвергается сомнению. Вездесущность, разнород-

36 *Le temps et l'histoire. Entretien avec Jean Chesneaux // Genèses.* 1997. № 29. P. 123–140.

37 TAMM M., OLIVIER L. (Eds.). *Op. cit.*

38 RIOT-SARCEY M. *Temps et histoire en débat. "Tout s'oublie" et "rien ne passe" // Revue d'histoire du XIXe siècle.* 2002. № 25. P. 7–13.

ность, загадочность, непредсказуемость обеспечили событию статус эпистемологической апории. Родоначальник «сложного мышления» Эдгар Морен, осмысливая опыт 1968 года, сравнивал событие со сфинксом³⁹. Франсуа Досс уподобляет событие фениксу, постоянно возрождающемуся из пепла⁴⁰. Воплощение этих образов – множество накопившихся в историографии интерпретаций разнородных событий и непрекращающиеся споры в науке и философии по поводу их природы.

Онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Мишель Фуко: «Событие – это всегда рассеивание [*dispersion*], множество. Это то, что проходит здесь и там, это многоголовое чудовище»⁴¹. Вслед за Ницше Фуко избегал поисков причин и истоков, подчеркивал важность исторических разрывов, связывая их с единичными событиями, в которых, по его мнению, и проявляются подлинные силы истории. Жиль Делёз полагал, что событие – это прежде всего смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Размышляя о темпоральной природе событийности, Делёз пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Зонами прошлое и будущее⁴².

Историки только в период кризиса своей дисциплины 1960–1980-х годов, переоткрыв «историческое время», осознали, что ни контекстуализации, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождают их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удается адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Делёзом ученые пришли к заключению, что событие – это воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершенному прошлому, ибо постоянно переосмысливается и переопределяется в актуальном настоящем. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью,

ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ:
ДУМАТЬ ВМЕСТЕ С РАЙН-
ХАРТОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

39 MORIN E. *L'événement-sphinx* // Communications. 1972. № 8. P. 173–193.

40 DOSSE F. *Événement* // DELACROIX C., DOSSE F., GARCIA P., OFFENSTADT N. (Dir.). *Historiographies. Concepts et débats*. Paris: Gallimard, 2010. Vol. 2. P. 748–749.

41 FOUCAULT M. *Leçons sur la volonté de savoir*. Paris: Seuil; Gallimard, 2011. P. 187.

42 ДЕЛЁЗ Ж. *Логика смысла*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

которая несводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, как событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Носителями событийной темпоральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают и нередко бывают противоположными. В итоге получается, что «событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей»⁴³.

Линейное время классической историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические/пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в «материале» темпоральные особенности событийности. Все чаще событие обсуждается и исследуется как нарративная конструкция. Анализ исторического события, его структур и механизмов больше не означает изучение «пены истории». В основе такого изучения – стремление понять функционирование общества через частные и деформированные репрезентации, порождаемые вездесущей событийностью.

Несмотря на перемены в мире и науке, многие категории и установки, определяющие исторический дискурс, до сих пор связаны с моделью истории, типичной для эпохи модерна, хотя она во многом себя исчерпала. Они доминируют не только в политических и социокультурных практиках идентификации и национального самоопределения, но и в исторических исследованиях. Поэтому историки задаются вопросом: надо ли в этих условиях совсем отказываться от реконструкции «горизонта ожидания», опираясь на «незавершенные потенциалы» прошлого (Бернар Лепти)? Ответ на этот вопрос предполагает поиск новой исследовательской оптики, которая связана не столько с причинностью, сколько с *контингентностью* истории.

Понятие контингентность, давно известное в философии и науке, в историческом знании только начинает осознаваться как полезное. Длительное время его содержание сводилось

43 FARGE A. *Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux* // Terrain. 2002. № 38. P. 69–78.

к случайности⁴⁴. Но во второй половине прошлого века философы, антропологи и социологи убедительно показали, что контингентность по своей значимости в жизни людей сопоставима с явлением историчности. Еще Антуан Курно в работе «Размышления о продвижении идей и событий», опубликованной в 1872 году, писал, что история – это «особая форма связи между явлениями, смешивающими порядок и случай». Она не является серией событий, которые вытекают бы «обязательно и регулярно одно из другого в соответствии с постоянными законами». В противном случае будущее было бы предсказуемым. В то же время историю нельзя представить как череду событий, не имеющих никакой связи между собой, – при таком понимании исторический нарратив был бы невозможен. История, по Курно, находится между этими двумя формами, между необходимостью и непредвиденными обстоятельствами. Кроме того, случай формируется в результате неожиданной встречи «двух независимых причинно-следственных рядов», которые вращаются вокруг частично или полностью случайного процесса⁴⁵.

Таким образом, история не подчиняется законам и не является совокупностью чистых случайностей. В истории важную роль играет не только свобода воли людей, их выбор, но и структурные эффекты. Контингентность хорошо проявляется в событии, оказавшемся результатом встречи серии независимых причин. Ее также можно формализовать в терминах слияния/согласования возможностей: контингентность в таком случае предстает как то, что вытекает из общей конъюнктуры, открытой ко множеству возможных сценариев. При таком понимании контингентность оказывается составной частью подхода, предполагающего анализ события без применения априорных объяснительных схем⁴⁶.

Контингентность – это не только возможность иного варианта развития событий, связанная со свободой выбора человека и структурными эффектами разной природы, но и носитель особой темпоральной «энергии». Темпоральное существование контингентно, поскольку становление может быть понято через постоянную смену состояний, а «неуловимость настоящего указывает на контингентность всего существующего во време-

ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ:
ДУМАТЬ ВМЕСТЕ С РАЙН-
ХАРТОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

44 Например, в статье Козеллека термин «контингентность» был переведен как «случайность»: Козеллек Р. *Случайность как последнее прибежище историографии* // THESIS. 1994. № 5. С. 171–184.

45 JEANPIERRE L., NICODÈME F., SAINT-GERMIER P. *Possibilités réelles* (<https://journals.openedition.org/traces/5614>).

46 ЕРМАКОВ I. *Contingence historique et contiguïté des possibles* (<https://sociology.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/466/2019/08/2013-Ermakoff-Contiguïte-des-possibles.pdf>). Замечу, что контингентность истории не тождественна истории контрафактической. См. о последней: НЕХАМКИН В.А. *Контрфактические исторические исследования в системе научного познания* // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 131–140.

ни»⁴⁷. Кроме того, контингентность плотно вписана в интерсубъективность, а значит – и в процесс коммуникации⁴⁸. Это понятие позволяет выразить ощущение метафизической глубины в трансформациях мира, стимулируя создание новых исследовательских подходов⁴⁹.

Стремительно обновляющаяся повестка социальных и гуманитарных наук вовсе не означает, что новые идеи быстро входят в реальную жизнь. Последнее требует глубоких структурных преобразований в мировой политике, которая основана на переговорах национальных государств и международных организаций. Кроме того, устоявшиеся научные и образовательные структуры, стержнем которых остается дисциплинарная специализация, за последние полвека тоже не слишком изменились. Все это консервирует устоявшиеся нормы дисциплин, переживающих не лучшие времена. Одни аналитики говорят об архаичности дисциплинарных практик, о засилье наивного эмпиризма, о перегруженности всех дисциплин, в том числе социальных и гуманитарных, массой предрассудков. Другие, в том числе историки, полагают, что только «правильная» дисциплинарность может обеспечить продуктивную междисциплинарность. В последние десятилетия происходит радикальная трансформация в структуре исследовательских практик. Наряду с дисциплинами важное место в производстве знания занимают трансдисциплинарные *studies: gender studies, cultural studies, memory studies, area studies, diaspora studies, technoscience studies, times studies...* Список можно значительно расширить. Возможно, им принадлежит будущее. Гениальный образ ризомы, «сад расходящихся тропок» Борхеса и множество идей, порожденных проблематикой изменения в художественном мире, которые активно осваивают философы и ученые, убеждают в том, что необычайная сложность нашего турбулентного мира и недооцененная связанность в нем всего и вся может быть понята только с помощью «созвездия знаний» вкупе с обыденным мышлением.

47 Литвин Т.В. *Интериорность, чувственность, контингентность – почему эти понятия принципиально непереводимы?* (<http://articult.ruh.ru/articult-07-3-2012/t-v-litvin-the-performances-of-the-play-sensuality-contingently-why-these-concepts-are-fundamentally.php>).

48 Рационализировать контингентность не менее сложно, чем понятия коллективной памяти и идентичности. Один из современных историков остроумно назвал последнюю «мерцающей». Но то же самое можно сказать о случайности, о коммуникации, о различии. См.: Назарчук А.В. *Теория коммуникации в современной философии*. М.: Прогресс-традиция, 2009.

49 Один из таких подходов я использовала при изучении Французской революции XVIII века. Отказавшись от исследования революции в контексте преемственной связи между прошлым и настоящим, я перенесла ее рассмотрение в перспективу будущего для того, чтобы понять, как это событие проявило себя в социуме после «десяти лет, которые потрясли мир: 1789–1799». Каким образом революцию интерпретировали ученые? Для чего и как ее вспоминали? Как воспринимали простые люди? Такой подход позволяет выявить скрытые в событии возможности (Чеканцева З.А. *Французская революция как событие будущего: между научным дискурсом и зеркалами памяти* // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 16–38).